

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-5-53-59>

Гармония природного мира в творчестве В. К. Арсеньева: лингвостилистический анализ путевого романа «По Уссурийскому краю» (к 150-летию со дня рождения)

Елена Александровна Фролова

Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия,
frojljen@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6326-5095>

Аннотация. Творчество В. К. Арсеньева неоднократно становилось объектом этнографического и литературоведческого анализа. Собственно лингвистический аспект исследования произведений писателя нередко оставался за пределами серьезного и глубокого изучения. Большое внимание в работах, связанных с творчеством В. К. Арсеньева, уделялось характеристике растительного и животного мира тайги. При этом особо подчеркивалась научная сторона произведений писателя. Разносторонней характеристике был подвергнут также яркий образ гольда-проводника Дерсу Узалы. Цель данной статьи – проанализировать языковые средства создания гармоничного мира природы в романе В. К. Арсеньева «По Уссурийскому краю». Для достижения поставленной цели используются следующие методы: лингвостилистический, интегрирующий, методика контекстуально-семантического анализа, при которой учитываются дистантные связи в тексте, выявляется содержательно-смысловая нагрузка его компонентов, дается семная характеристика узуальных и контекстуальных тропических средств. В статье охарактеризованы приемы изображения гармоничной жизни таежного братства. При сопоставлении мира людей и мира природы отмечается разрушающее влияние цивилизации на растительный и животный мир Уссурийского края, подчеркивается, что отсутствие гармонии в мире людей обуславливает гибель первобытного царства природы.

Ключевые слова: Владимир Клавдиевич Арсеньев, «По Уссурийскому краю», мир природы, гармония, метафора, сравнение, контраст

Для цитирования: Фролова Е. А. Гармония природного мира в творчестве В. К. Арсеньева: лингвостилистический анализ путевого романа «По Уссурийскому краю» (к 150-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2022. Т. 83, № 5. С. 53–59. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-5-53-59>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

The natural world harmony in V. K. Arsenyev's works: a linguistic and stylistic analysis of the travel novel "Across the Ussuri Krai" (to the 150th anniversary of the birth)

Elena A. Frolova

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia, frojljen@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6326-5095>

Abstract. V. K. Arsenyev's writings have repeatedly become the object of ethnographic and literary studies. However, the linguistic aspect of the writer's works often remained outside the scope of serious in-depth research. Much attention in the literature concerning V. K. Arsenyev's writings was directed to the characterisation of the flora and fauna of the taiga. At the same time, the scientific aspect of V. K. Arsenyev's works was especially emphasized. There exists detailed research of Dersu Uzala's (a Goldi-guide) vivid image. The paper aims to analyse the linguistic means employed to create the harmonious natural world in V. K. Arsenyev's travel novel "Across the Ussuri Krai". The study used linguo-stylistic and integrating methods as well as the method of contextual-semantic analysis which takes into account distant connections in the text and reveals the content-semantic load of its components. Additionally, componential analysis of the usual and contextual tropes was employed. The paper describes the devices of depicting the harmonious life of the taiga brotherhood. The comparison between the world of people and the world of nature resulted in the conclusion that civilization influenced the flora and fauna of the Ussuri Krai destructively. Moreover, the paper argues that the lack of harmony in the people's world ruins the wild realm of nature.

Keywords: Vladimir Klavdievich Arsenyev, "Across the Ussuri Krai", natural world, harmony, metaphor, simile, contrast

For citation: *Frolova E. A. The natural world harmony in V. K. Arsenyev's works: a linguistic and stylistic analysis of the travel novel "Across the Ussuri Krai" (to the 150th anniversary of the birth). Russkii yazyk v shkole = Russian language at school. 2022;83(5):53–59. (In Russ.)* <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-5-53-59>.

Введение. Известный русский путешественник, писатель, географ, этнограф и военный востоковед Владимир Клавдиевич Арсеньев (1872–1930) — «знаковая» фигура для Дальнего Востока. Не имея университетского образования (закончил Петербургское юнкерское пехотное училище), он сумел стать разносторонним ученым-исследователем. Сфера научных интересов В. К. Арсеньева была весьма обширна: он занимался орнитологией, географией и этнографией, музейным делом, статистикой, картографией, археологией и даже лингвистикой.

Важную роль в жизни В. К. Арсеньева сыграла встреча с путешественником Михаилом Грум-Гржимайло, который преподавал в юнкерском училище. Он смог заинтересовать пытливого студента географическими исследованиями, обратив его внимание на Дальний Восток — почти не исследованную в то время территорию.

Экспедиция 1906 г. — первая масштабная экспедиция В. К. Арсеньева, во время которой ученый познакомился с нанайским охотником и следопытом Дерсу Узалой, ставшим проводником писателя-исследователя, а позже — героем его книг «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала».

Творчество В. К. Арсеньева всегда вызывало неоднозначные оценки. А. В. Петрук в статье, опубликованной в журнале «Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке» [Петрук 2020], анализирует работы XX–XXI вв., посвященные жизни и деятельности писателя. Автор отмечает обилие трактовок образа В. К. Арсеньева как общественного деятеля и ученого, различия в интерпретации деталей его биографии, неоднозначность оценок вклада в изучение и развитие региона, противоречивость характеристик личности писателя и др.

Многие критики подчеркивали научную ценность произведений художника слова. Так, в газете «Русская Армия» от 9 сентября 1921 г. (№ 30) В. Крылов назвал книгу «По Уссурийскому краю» научно-популярным физико-географическим описанием

региона¹. Аналогичной точки зрения придерживался и Е. Титов (журнал «Юность», 1928, № 8), по мнению которого книга «В дебрях Уссурийского края» «совсем не роман. Это повествование ученого-географа и натуралиста о своих странствованиях в тайге по склонам хребта Сихотэ-Алинь в Приморье»².

Некоторые ученые-естествоиспытатели видели в книгах писателя большой научный потенциал. Например, известный ботаник В. Л. Комаров в письме В. К. Арсеньеву от 25 марта 1923 г., говоря о книгах «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала», замечает: «Для меня лично Ваши обе книги имеют еще тот специальный интерес, что в них упоминаются многие границы деревьев и дается хорошая картина голцов. К сожалению, я не мог использовать Ваши данные для соответствующих обобщений в моих трудах об уссурийской растительности, т. к. последний из них уже заканчивается печатанием. Лишь некоторые отрывочные данные можно было ввести при корректуре»³.

По мнению М. М. Пришвина, В. К. Арсеньев — ученый, «стихийно» создавший художественное произведение: «Иногда настоящая поэзия и дается именно тем, кто не сознает себя поэтом и хочет только правду сказать» [Пришвин 1934: 97].

Большой вклад в изучение биографии В. К. Арсеньева внесли монография Н. Е. Кабанова «В. К. Арсеньев. Путешественник и натуралист» и критико-биографический очерк Н. М. Рогозя «В. К. Арсеньев», вышедшие в 1947 г. Н. Е. Кабанов, принимавший участие в экспедиции В. К. Арсеньева 1927 г., утверждал, что его книги — истинно художественные произведения, в которых автор проявил

¹ Цит. по: Яроцкая Ю. А. Творчество В. К. Арсеньева. Специфика научно-художественной системы: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток: ДВГУ, 2005. 187 с.

² Там же.

³ Там же.

подлинное мастерство при описании природных объектов и создании образа Дерсу Узала [Кабанов 1947].

Н. М. Рогаль определяет жанр произведений В. К. Арсеньева как очерк. Ученый обращает внимание на роль дневниковых записей и писем автора и подчеркивает мастерство писателя при создании словесного пейзажа и портрета [Рогаль 1947: 55–56, 61–62]. Исследователь выделяет такие черты поэтики В. К. Арсеньева, как драматичность и лаконизм, особое место при создании художественных образов отводит сравнениям, отмечает специфику авторского «я» в произведениях художника слова.

Первой работой, посвященной исследованию художественного творчества В. К. Арсеньева, стала кандидатская диссертация В. К. Путоловой «В. К. Арсеньев и его литературная деятельность» (1954)⁴. По мнению автора, путевые очерки богаты научным материалом и являются «живой летописью» прошлого народов Дальнего Востока.

Н. В. Старовойтов в статье «Формирование художественных принципов В. К. Арсеньева и жанровое своеобразие его творчества» (1972) утверждает: «Арсеньев – писатель особого склада. Он не беллетрист в общепринятом смысле – в одинаковой степени он принадлежит и литературе и искусству» [Старовойтов 1972: 128]. Новаторство писателя в области формы ученый видит в том, что он создал «новый, научно-художественный род произведений» [Там же: 143].

Н. И. Плотникова в диссертационном исследовании «В. К. Арсеньев: творческая индивидуальность писателя. Жанровое своеобразие прозы» относит книги Арсеньева к «жанру путешествий»⁵ и рассматривает произведения «По Уссурийскому краю», «Дерсу Узала» и «В горах Сихотэ-Алиня» как трилогию. Автор опирается на архивные материалы, многие из которых впервые вводит в научный оборот.

В данной статье основной акцент сделан на лингвостилистическом анализе романа

В. К. Арсеньева «По Уссурийскому краю». Цель – охарактеризовать средства выражения гармонии мира природы в изображении писателя.

Анализ. «По Уссурийскому краю» – книга, в которой дан «популярный обзор путешествия, предпринятого» В. К. Арсеньевым «в горную область Сихотэ-Алиня в 1906 году» [Арсеньев 1987: 6]. По словам самого писателя, в его произведении «читатель найдет картины из природы страны и ее населения. Многое из этого уже в прошлом и приобрело интерес исторический...» [Там же].

Описание увиденного отличается удивительной точностью и яркостью. Автор объединяет научность и образность при создании картин мира природы Уссурийского края. Так, показывая изменения, происходящие в природе, В. К. Арсеньев пишет:

Понемногу погода разгулялась: туман исчез, по земле *струйками* бежала вода, намокшие цветы подняли свои *головки*, в воздухе опять замелькали *чешуекрылые* ⁶ (здесь и далее курсив наш. – Е. Ф.).

Художественные образные средства – косвенное сравнение *струйками* и метафорический образ *головки* – оказываются в одном ряду с зоологическим термином *чешуекрылые* – бабочки, что составляет специфику идиостиля писателя-исследователя.

Нередко, рисуя мир тайги, писатель прибегает к документализму:

Читатель ошибается, если представляет себе тайгу в виде рощи. Уссурийская тайга – это девственный и первобытный лес, состоящий из кедра (*Pinus koraiensis* S. Et Z.), черной березы (*Betula dahurica* Pall.), амурской пихты (*Abies nephrolepis* Max.), илма (*Ulmus campestris* L.), тополя (*Populus suaveolens* Fisch.)...

Включая в художественный текст латинские номинации растений классифицирующего характера, автор добивается точности описания растительного мира природы, придает тексту наукообразность, одновременно замедляя ход повествования. Это один из стилиобразующих приемов

⁴ Путолова В. К. В. К. Арсеньев и его литературная деятельность: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1954. 16 с.

⁵ Плотникова Н. И. В. К. Арсеньев: творческая индивидуальность писателя. Жанровое своеобразие прозы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток: [б. и.], 2003. С. 3.

⁶ Здесь и далее текст цит. по: Арсеньев В. К. Дерсу Узала: романы. Фрунзе: Кыргызстан, 1987. С. 10–322.

произведений В. К. Арсеньева, который помогает ему передать особенности принятой экспедиции:

Путешествие по тайге всегда довольно однообразно. Сегодня — лес, завтра — лес, послезавтра — опять лес.

Синтаксический параллелизм конструкций, включающих в свой состав повторяющееся подлежащее *лес*, нулевое бытийное сказуемое и обстоятельства времени, выраженные наречиями с темпоральной семантикой, помогают автору воссоздать однообразие и пространственно-временную бесконечность путешествия.

Автор стремится показать окружающий мир с разных точек зрения. Этому, в частности, способствует полиноминативность топонимов, к которой неоднократно прибегает писатель. Объясняя причину появления разных наименований географических объектов, он пишет:

В Уссурийском крае реки, горы и мысы на берегу моря имеют различные названия. Это произошло оттого, что туземцы называют их по-своему, китайцы — по-своему, а русские, в свою очередь, окрестили их своими именами.

Иногда названия созвучны, близки друг другу, как и те, кто использует номинации:

На старинных китайских картах этот водораздел называется *Сихотэ-Алинь*, местные китайцы называют его *Сихота-Лин*, а чаще всего *Лао-Лин*, старый перевал (в смысле «большой, древний»).

Чаще топонимы кардинально отличаются друг от друга, как далеки друг от друга их создатели:

Весь следующий день был посвящен осмотру залива *Владимира*. Китайцы называют его *Хулуай* (от слов «хулу», что означает — *круглая тыква*, *горлянка*, и «вай» — *залив или бухта*);

Река *Тадушу* почему-то называется на одних картах *Ли-Фуле*, на других — *Лей-фынхе*, что значит «удар грома». Тазы (удэгейцы) называют ее *Узи*. Некоторые ориенталисты пытаются слово «Тадушу» произвести от слова «дацзы» (тазы). Это совершенно неверно. Китайцы называют ее *Да-цзошу* («большой дуб»).

Следуя принципам научности, В. К. Арсеньев пытается обосновать каждое название, нередко обращаясь к легендам

и поверьям. Так в романе сочетаются документализм и образность.

Топонимическая полиноминативность не только отражает разное восприятие окружающей действительности представителями мира людей, но и одновременно является средством характеристики противоречий между ними, свидетельством отсутствия гармонии в цивилизованном мире человека.

Автор противопоставляет жизнь людей и животного мира. Ярким свидетельством этому может служить описание взаимоотношений, которые устанавливаются между вынужденными соседями в мире людей и в мире животных.

В отличие от людей, готовых эксплуатировать себе подобных и жить в рабстве (например, эксплуатация тазов китайцами), в мире животных взаимоотношения строятся не на унижении/порабощении, а на сосуществовании. Вспомним, как описывает автор соседство ужа и шмелей в дупле дерева:

Внутри дерева дупло вначале узкое, а затем к комлю несколько расширилось. Птичий пух, клочки шерсти, мелкая сухая трава и кожа, сброшенная ужом при линьании, свидетельствовали о том, что здесь находилось его гнездо, а ближе к выходу и несколько сбоку было гнездо шмелей.

Когда змея вылезала из дерева или входила в него, она каждый раз проползала мимо шмелей. Очевидно, и шмели и уж *уживались вместе и не тяготились друг другом*.

Подобное взаимоприспособление возможно только благодаря гармонии, установившейся в мире природы.

При описании уссурийской тайги автор восхищается гармоничной соразмерностью ее жизни:

Иной раз положительно останавливаешься в недоумении перед деревом, выросшим буквально на голом камне. Кажется, и трещины нет, но дерево стоит прочно: корни его оплели камень со всех сторон и укрепились в осыпях.

Писатель использует разные ракурсы восприятия окружающего мира, подчеркивая красоту природы. Это и взгляд профессионального художника, который нашел бы *здесь неистощимый материал для своих этюдов* (природа как объект для вдохновения — включение терминологического

аппарата); и видение простых казаков, которые не могут оторвать глаз от местных пейзажей и смотрят на них, *как зачарованные* (природа как удивительное вокруг нас — использование разговорных устойчивых оборотов *не оторвать глаз, смотреть как зачарованный*). Это, наконец, восприятие окружающего мира глазами писателя (природа как объект творческого сопоставления и связующее звено между мирами):

Кругом высились горы с причудливыми гребнями и утесы, похожие на человеческие фигуры, которым кто-то как будто приказал охранять сопки. Другие скалы походили на животных, птиц или просто казались длинной колоннадой. Утесы, выходящие в долину, увешанные гирляндами ползучих растений, листва которых приняла уже осеннюю окраску, были похожи на портики храмов, развалины замков и т. д.

В изображении автора живая и неживая природа едины. Писатель подчеркивает неразрывную связь между миром людей и окружающей их действительностью. Распространенные сравнительные конструкции рисуют сказочные образы богатырей-великанов, которые призваны охранять природное начало, потому что оно сродни божественному (*портики храмов*) и столь же хрупко, как сама жизнь.

При создании мира природы В. К. Арсеньев использует прием контекстуальной антонимии, противопоставляя солнцу как символ жизни и туман, несущий смерть; ср.:

Какой-то особенно *нежный* свет разлился по всему лесу. Это была последняя *улыбка солнца*. Начавшая было засыпать жизнь в лесу встрепенулась: забегали бурундуки, послышались крики иволги и удода. — Туман, *как саван*, окутал горы.

Эпитет *нежный* раскрывает авторское восприятие движения жизни в мире природы. Метафора *улыбка солнца* подчеркивает значимость света и тепла для окружающего мира. В противовес положительно-оценочным тропам сравнение *как саван* вызывает негативные ассоциации, связанные со смертью и холодом.

О единстве природного мира в романе В. К. Арсеньева свидетельствуют неоднократно сопоставления живой и неживой природы. Например, увиденная путешественником кабанья морда превращается в его сонном сознании в гору:

Всю ночь мне мерещилась кабанья морда с раздутыми ноздрями. Ничего другого, кроме этих ноздрей, я не видел. Они казались мне маленькими точками. Потом вдруг увеличивались в размерах. Это была уже *не голова кабана, а гора и ноздри — пещеры*, и будто в пещерах опять кабаны с такими же дырочатыми мордами.

На основе гиперболизации текста писатель создает яркий художественный образ, прибегая к приему метафоризации.

Мир природы противостоит миру людей. По мнению писателя, *в больших лесах всегда есть что-то таинственное, жуткое. Человек кажется маленьким, затерявшимся*. Автор использует прием градации с усилением негативной коннотации в определениях-эпитетах и именной части однородных сказуемых. Неопределенное местоимение *что-то* в функции подлежащего содержит сему 'неизвестное', которая приобретает негативную окраску под воздействием контактных прилагательных *таинственное* и *жуткое*. В этом страшном мире природы человек оказывается ничтожной пылинкой, которая может легко исчезнуть среди величественной мощи тайги.

Не случайно даже туземцы, *привычные лесные бродяги*, воспринимают первобытный лес как стихию и, *прежде чем переступить границу, отделяющую их от людей и света, молятся богу и просят у него защиты от злых духов, населяющих лесные пустыни*. В то же время В. К. Арсеньев уверен, что в тайге самое страшное существо — человек:

Но самое неприятное — это встреча с человеком. Зверь спасается от человека бегством, если же он и бросается, то только тогда, когда его преследуют... Другое дело человек. В тайге один бог свидетель, и потому обычай выработал особую сноровку. Человек, заведявший другого человека, прежде всего должен спрятаться и приготовить винтовку.

Разрушительное влияние человека на природный мир неоднократно показано в романе. При этом автор открыто говорит о губительности вторжения человека в мир природы Уссурийского края и косвенно изображает его негативные последствия.

Примером непрямого изображения отрицательного влияния человека может служить описание пробуждения тайги, которому противопоставляются губительные следы, оставленные стоянкой человека:

Тайга *просыпалась*. С каждой минутой становилось *все светлее*, и вдруг *яркие солнечные лучи снопом* вырвались из-за гор и *озарили* весь лес. Наш бивак принял теперь другой вид. На месте *яркого костра* лежала *груда золы*: огня почти не было видно; на земле валялись *порожние банки* из-под консервов; там, где *стояла палатка*, *торчали* *одни жерди* и *лежала примятая трава*.

Используя прием олицетворения, писатель одушевляет мир природы. Разного рода сравнительные конструкции (синтетическая форма сравнительной степени наречия/слова категории состояния *светлее*, усиленная частицей *всё*, творительный сравнения *снопом*) подчеркивают живительную силу окружающего мира. Актуализируя сему 'свет' с помощью концентрации лексических единиц, в значении которых она занимает ядерную или периферийную зоны (*светлее*, *солнечные лучи*, *озарили*), писатель сводит ее на нет при описании вида бивака. Повтор эпитета *яркие* дает автору возможность одновременно передать живительную и разрушающую характеристику объектов: озарившие лес *яркие солнечные лучи* позволяют увидеть, что от *яркого костра* осталась *груда золы*; на месте палатки — временного жилища человека — *торчали* *одни жерди* и *лежала примятая трава*. Таким образом, автор с болью пишет о том, что вторжение человека в первородный мир природы губительно сказывается не только на жизни флоры и фауны Уссурийского края, но и неизбежно приводит к разрушению человека в человеке. Отсутствие гармонии в мире людей оказывает разрушающее влияние на мир природы.

Однако писатель уверен, что мир природы и человека могут найти точки соприкосновения и стать единым целым. Доказательством тому служит образ гольда-проводника Дерсу Узала. Не случайно, описывая героя и таежный мир, писатель использует один и тот же эпитет — *первобытный*. В толковом словаре Т. Ф. Ефремовой у данного прилагательного выделено три значения:

1. Относящийся к первичным, древнейшим периодам истории человечества.
2. *разг.* Прежний, первоначальный. Девственный, нетронутый.
3. *перен.* Находящийся на низком уровне развития; примитивный, простейший⁷.

⁷ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т.

Нетрудно заметить, что в тексте романа одновременно реализуются второе и третье значения адъектива. При этом ядерную позицию занимают оба варианта второго значения, которые проявляются как при характеристике мира природы, так и при оценке Дерсу Узала — *первобытного охотника, который всю свою жизнь прожил в тайге и чужд был тех пороков, которые вместе с собой несет городская цивилизация*. Он способен договориться с тигром, *видел живую силу в воде*, огонь для него *тоже все равно люди*, да и весь мир уссурийской тайги гольд воспринимает как живой организм:

— Наша так думай: это земля, сопка, лес — все равно люди. Его теперь потеет <о длительной мороси>. Слушай! — Он насторожился. — Его дышит, все равно люди...

«Проводник-гольд видит больше других, потому что теснее его связь с миром природы: он вышел из нее и принадлежит ей» [Фролова 1915: 37]. В отличие от других людей Дерсу Узала одинаково готов заботиться о природе и человеке, пусть и незнакомом:

Гольд заботился о неизвестном ему человеке, которого он никогда не увидит и который тоже не узнает, кто приготовил ему дрова и удовольствие. Я вспомнил, что мои люди, уходя с биваков, всегда жгли корье на кострах. Делали они это не из озорства, а так просто, ради забавы, и я никогда их не останавливал. Этот дикарь был гораздо человеколюбивее, чем я.

Гармония первобытной природы сохранилась в душе первобытного гольда-дикаря, способного пробудить живительное начало в человеке, подвергнутого разрушению цивилизацией.

Выводы. Путевой роман «По Уссурийскому краю» — произведение, в котором автор использует разные художественные приемы для изображения гармонии природного мира уссурийской тайги. Среди них:

1) включение в текст разнообразных тропеических средств (эпитеты, метафоры, метонимия, сравнения и др.) для создания красочных картин увиденного;

2) изображение природного мира с разных ракурсов:

- взгляд художника;
- видение рядового человека;
- восприятие писателя;

3) противопоставление мира природы и человека:

- непонимание тайги человеком и ее неприятие человека;
- взаимоотношения между людьми-соседями и природными объектами;
- гармоничное единство природного мира и бездушное сосуществование в мире людей;
- разрушительное воздействие цивилизации на природные богатства.

Выразителем идеи неразрывной связи природы и человека выступает в романе Дерсу Узала, в образе которого нашла отражение мысль автора о богатстве природного начала в человеке.

Таким образом, в путевом романе «По Уссурийскому краю» В. К. Арсеньев поднимает не просто проблемы сохранения мира природы. Он ставит вопросы сохранения человеческого в человеке, без чего невозможно достичь гармонии жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсеньев В. К. Предисловие автора к первому изданию // Арсеньев В. К. Дерсу Узала: романы. Фрунзе: Кыргызстан, 1987. С. 6–8.
2. Кабанов Н. Е. В. К. Арсеньев. Путешественник и натуралист. 1872–1930. М.: Изд-во Московского общества испытателей природы, 1947. 97 с.
3. Петрук А. В. «Увлеченный страстью к исследованиям»: жизнь и деятельность В. К. Арсеньева в общественном и научном дискурсе // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2020. № 4(54). С. 41–50. dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2020-4/41-50.
4. Пришвин М. М. Золотой Рог. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934. 317 с.

5. Рогаль Н. В. Арсеньев: критико-биографический очерк. Хабаровск: Дальгиз, 1947. 87 с.

6. Старовойтов Н. В. Формирование художественных принципов В. К. Арсеньева и жанровое своеобразие его творчества (ранний период) // Вопросы журналистики и литературы. Владивосток, 1972. С. 128–149.

7. Фролова Е. А. «Странническая» жизнь художника слова (Лингвостилистический анализ повести В. К. Арсеньева «Дерсу Узала») // Русский язык в школе. 2015. № 8. С. 33–38.

REFERENCES

1. Arsenyev V. K. Author's preface to the first edition. *Arsenyev V. K. Dersu Uzala: romany* = *Dersu Uzala: novels*. Frunze: Kyrgyzstan, 1987. P. 6–8. (In Russ.)
2. Kabanov N. E. V. K. Arsenyev. Traveler and naturalist. 1872–1930. Moscow, Publishing House of the Moscow Society of Naturalists, 1947. 97 p. (In Russ.)
3. Petruk A. V. "Guided by the passion for research": life and work of Vladimir Arsenyev in public and scientific discourse. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dalnem Vostoke* = *Humanities Research in the Russian Far East*. 2020;4(54):41–50. (In Russ.) <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2020-4/41-50>.
4. Prishvin M. M. The Golden Horn. Leningrad: Writers' Publishing House in Leningrad, 1934. 317 p. (In Russ.)
5. Rogal' N. V. Arsenyev: a critical biographical essay. Khabarovsk: Far Eastern State Publishing House, 1947. 87 p. (In Russ.)
6. Starovoytov N. V. Formation of artistic principles of V. K. Arsenyev and genre originality of his work (early period). *Voprosy zhurnalistiki i literatury* = *Issues of Journalism and Literature*. Vladivostok, 1972. P. 128–149. (In Russ.)
7. Frolova E. A. "Wanderer" life of the artist of the word (Linguistic and stylistic analysis of the novel by V. K. Arsenyev "Dersu Uzala"). *Russkii yazyk v shkole* = *Russian Language at School*. 2015;8:33–38. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Елена Александровна Фролова, кандидат филологических наук, доцент

Elena A. Frolova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 24.05.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 15.06.2022.

The article was submitted 24.05.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 15.06.2022.